

УДК 316.42+330.34]:316.722(510)

Чжао Цзэнфан

Ценностно-смысловое содержание транснационализации культуры Китая

На основе анализа процесса интернационализации деятельности в экономической и социально-культурной сферах автор приходит к мысли, что в начале XXI в. происходит формирование широкомасштабной интеграции основных видов социокультурной деятельности.

Рассматриваются характерные черты транснациональной культуры, особенности ее проявления в Китае, значение в развитии средств массовой информации. Раскрывается суть понятия «транснационализация». Подчеркивается, что китайская культура в результате инкорпорирования в транснациональные процессы современности постоянно обновляется, обогащается достижениями европейской культуры, сохраняя при этом национальное своеобразие.

Изменения, происходящие в мире под воздействием внешних и внутренних причин, обусловленные процессами глобализации, имеют проявления в разнообразных формах. Одной из них является транснационализация некоторых сфер человеческой деятельности. В середине XX в. транснационализация в социально-гуманитарном дискурсе интерпретировалась исключительно как феномен мирового хозяйства и связывалась с тенденциями интернационализации хозяйственной жизни, производства и техники, с созданием совместных и транснациональных компаний (ТНК). Экономическая транснационализация – это наиболее зрелая стадия процесса интернационализации экономической деятельности, которая характеризуется перемещением капитала через границы страны происхождения.

Деятельность ТНК, согласно Ш. М. Адаму, является главной движущей силой экономического роста, одним из мощных инструментов в формировании будущего мира в условиях интеграции, интернационализации и глобализации мировых процессов [1]. Крупнейшие транснациональные корпорации как гигантские экономические структуры участвуют в международных экономических отношениях. Они олицетворяют мировое производство товаров и услуг, являются основными участниками и двигателями научно-технического прогресса, также повышают конкурентоспособность экономики разных стран и т. д.

В начале XXI в. в мире насчитывается более 80 тыс. ТНК и 850 тыс. их филиалов. На международном рынке проявляют активность и китайские ТНК, такие как Компания мобильной связи («Чайна мобайл»), Компания телекоммуникаций («Чайна телеком»), Китайская международная инвестиционная трастовая компания (СИТИК) и др. [3, с. 17].

В топ-10 (2020) входят китайские компании – корпорация Sinopec (второе место), China National Petroleum (четвертое место), State Grid (седьмое место). На 30 крупнейших китайских ТНК приходится свыше 80 % (36 млрд долл.) общих инвестиций Китая за рубежом [1].

В XXI в. транснационализация стремительно распространилась на все типы и формы культуры. Под транснационализацией культуры следует понимать процесс включения в национальное культурное пространство нового ценностно-смыслового содержания, отвечающего интеграционным тенденциям современного мира. Исследование содержательно-смыслового контекста данного явления позволило выделить некоторые характерные черты транснациональной культуры: унифицированность, коммерциализированность и мобильность, постепенно охватывающие все больший сегмент в национальных культурах и трансформирующие целостность культур. Особенностью транснационализации является расширение информационно-коммуникативного пространства национальной культуры за счет создания медиапространств и виртуализации культурной среды, включающей разные формы аудиовизуальной коммуникации вплоть до интерактивного взаимодействия. Транснационализации присущ международный обмен артефактами культуры и услугами в сфере культуры. Соответственно, закреплены новые формы организации культурной жизни. В процессы межкультурной коммуникации включены национальные культуры, в том числе регионов и сообществ, отдельные субъекты культуры. В ходе транснационализации происходит образование нового уровня личностной культуры, обеспечивающего психологическую адаптивность личности к социально-культурным изменениям, общественную мобильность, формирование новых типов идентичности в глобализирующемся мире.

Исследование тенденций транснационализации в сфере культуры показывает, что она выступает как сложный нелинейный процесс, характеризующийся взаимодополняемостью и локализацией, повышением самоорганизационного потенциала культуры в условиях активизации экономической и геополитической интеграции, позволяющий поддерживать культурное разнообразие в мире. Следовательно, результаты глобализационных процессов с разной степенью отчетливости проявляются в культурах отдельных стран, в том числе и в Китайской Народной Республике.

Одним из проявлений транснационализации культурного пространства КНР является трансграничная мобильность в сфере образования. Исследователи обоснованно считают, что будущее государства определяется его участием в инновационной деятельности, источником которой являются специалисты высшей квалификации, которым транснационализация предоставляет возможность свободного перемещения и закрепления в других странах. В результате исследований выявлено,

что миграция специалистов высшей квалификации в начале XXI в. возросла в мировом масштабе. По данным Национального научного фонда США (NSF), Россию покинули 70–80 % математиков, 50 % физиков-теоретиков, работающих на мировом уровне [5, с. 138].

Процессы транснационализации повлияли на сущность и содержание китайской системы образования. В техногенно модернизирующемся китайском обществе образование превращается в одну из высокоприбыльных сфер экономики, так как наращивание показателей экономического и социотехнологического развития страны зависит от интеллектуального потенциала населения. Конструирование новейшего облика системы образования подчиняется логике функционирования корпоративных структур. Так, в «Плане национальной среднесрочной и долгосрочной реформы развития образования (2010–2020 годы)» отмечается, что оно должно приспосабливаться к требованиям экономической и социальной открытости страны внешнему миру и обеспечивать большое количество талантов с международной точки зрения, знанием международных правил и способностью участвовать в международных делах и международных соревнованиях [10]. Корпоративное образование в форме краткосрочных и среднесрочных курсов повышения квалификации становится все более востребованным в Китае в силу быстро обновляющейся структуры профессий и компетенций, а также наиболее эффективным в смысле достижения практических целей, высокой степени адаптивности к различным научно-техническим инновациям. Образовательный процесс приобретает непрерывный характер, а его компоненты постоянно меняются, подстраиваясь под требования новой высокотехнологичной конъюнктуры. Либерализация системы образования происходит в форме глобализации образовательных услуг, при этом государственному образованию отводится роль базового. Транснационализация образования обусловлена расширением информационно-коммуникативного пространства и транспортного сообщения и на этой основе информационно-образовательной интеграцией различных государств, более свободной миграцией населения, развитием дистанционного обучения через компьютерные системы, распространением транснационального образования в форме зарубежных курсов обучения. В настоящее время КНР осуществляет обмен и сотрудничество в сфере просвещения со 145 странами мира, среди которых Республика Беларусь занимает важное место. Взаимодействию Беларуси и Китая в области образования как части интенсивной транснационализации способствуют Соглашение между министерствами образования Республики Беларусь и КНР, более 120 договоров о сотрудничестве между ведущими вузами двух стран в сфере просвещения и науки, на основании которых идет обмен студентами, аспирантами и преподавателями [13, с. 131]. В 2017 г. Государственный совет КНР утвердил Программу

XIII пятилетки в области национального образования. В соответствии с ней, стратегической задачей в сфере образования является совершенствование механизма обмена между Китаем и такими зарубежными странами, как Россия, США, Великобритания, Франция. Программой предусматривается углубление интеграции и создание платформы для межправительственных образовательных консультаций, практического сотрудничества между профессионалами в области образования и дружеских обменов между преподавателями и студентами, расширение межгосударственных проектов по изучению языков. По мнению идеологов, расширение международного сотрудничества должно способствовать накоплению и осмысленному использованию мирового опыта в процессах модернизации образования, эффективной интеграции китайских образовательных учреждений в международное образовательное пространство.

Таким образом, ведущим направлением Программы КНР является расширение транснационализации образования. Показательна в этом контексте деятельность на китайском рынке корпорации «Майкрософт», которая осуществляет крупномасштабные инвестиции в сферу образования. Так, совместно с Шанхайским университетом коммуникаций, компаниями «Лянхэ» и по разработке программного обеспечения в Пудуне (Шаньхай) создан Институт программного обеспечения при Шанхайском университете коммуникаций, а также основана Компания с ограниченной ответственностью по обслуживанию просвещения, науки и техники. Общая сумма инвестиций, предоставляемая «Майкрософт», составила 4 млн юаней, что составляет 10 % от общего объема инвестиций этой компании по всему миру. Помимо этого, благодаря совместным инвестициям корпорации «Фондер» компаний «Майкрософт» и научно-технического развития пекинской базы информационных технологий – Чжунгуаньцунь, основана фирма с ограниченной ответственностью по разработке программного обеспечения для высшего образования.

Ведущей тенденцией транснационализации является массовизация высшего образования. Одновременно с увеличением численности учащихся в КНР вырос и статус многих образовательных учреждений. В то же время массовизация образования негативно сказывается на его качестве. Массовость образования вступает в конфликт с традиционной элитарностью образования. В Китае, как и в западных странах, государственные и общественные институты пытаются повысить статус существующих образовательных учреждений, ужесточить контроль за деятельностью образовательных учреждений всех типов.

Отток интеллектуального капитала, по мнению Г. Гарднера, выступает в качестве ключевого вопроса будущего. Экономика производства и торговля больше не являются движущей силой социального прогресса.

са, сегодня мировое сообщество имеет дело с экономикой идей и творчества. Ключами, открывающими двери в эту новую экономику, являются образование, наука и культура [14, р. 124]. В начале XXI в. научные знания, талант, высокая квалификация превращаются в ценнейший капитал, наличие которого определяет конкурентную мощь национальной экономики и возможности ее участия в процессе транснационализации. Высококвалифицированные специалисты становятся не менее капиталоемкими, чем нефть и газ, интеллектуальным товаром, пользующимся высоким спросом.

В настоящее время интеллектуальная эмиграция приобретает новые черты. Если в XX в. она носила в основном этнический и трудовой характер, то сегодня отток интеллектуалов становится «чисто» профессиональным. В Китае, как показывает анализ, эмигрируют в основном специалисты, которые востребованы в своей стране, осуществляющей модернизацию. Эволюция «утечки мозгов» в первой четверти нынешнего столетия привела к омолаживанию эмиграции. Страну покидает, как считают китайские социологи, поколение, которое через каких-нибудь десять-пятнадцать лет будет составлять основу среднего класса КНР, без которого невозможна реальная модернизация общества. Во время одного из опросов большинство респондентов заявили, что хотели бы работать в крупной компании, стать миллионерами или «кадровыми» чиновниками. Примечательно, что наиболее популярным символом этого поколения является американский миллиардер Билл Гейтс.

Особенностью китайской интеллектуальной эмиграции последних лет является переход от эмиграции к мобильности. Элитные специалисты-ученые КНР выезжают в относительно короткие, но частые научные командировки в западные и восточные регионы для участия в конкретных проектах с целью продвижения в своей области знаний. Они возвращаются с новыми идеями, установленными научными связями, перерастающими в неформальные научные коллективы, поддерживают постоянные контакты, обмениваются опытом. Как полагает В. Марков, ученый, работая в другой стране, продолжает производить знания как международное публичное благо, принадлежащее мировому сообществу, поскольку он публикует свои достижения в международных научных журналах [9, с. 32]. Следовательно, миграция и мобильность представляют собой своеобразную «циркуляцию», поскольку интеллектуалы время от времени возвращаются на родину. В условиях транснационализации мира происходит некоторая асимметрия на международном рынке научно-квалифицированного труда. Его участники – государства-доноры и государства-импортеры – оказываются в неравноправном положении. Массовая эмиграция квалифицированных кадров ограничивает возможности стран к ускорению темпов экономического развития и создания стартовых условий к конкурентно способ-

ной эканоміке. Высокоразвітыя краіны, іспользуючы інтэлектуальную міграцыю, аказваюцца ў большым выйгрышы, атрымліваюць значную інтэлектуальную падтрымку. Напрыклад, карпарацыя «Майкрасофт» стварыла два прадпрыемствы, на якіх значная частка праграмнай прадукцыі вырабляецца кітайскімі спецыялістамі.

Дэпалярызацыя і зліццё маюць месца не толькі ў вобласці адукацыі і навукі, гэты працэс пратэкае і ў сферах ідэалогіі і культуры КНР. Тут назіраецца зліццё і змяшчэнне стылістычнага, структурнага і ідэалагічнага. Найбольш выразна гэта выяўляецца ў масавой і элітарнай культурах. Разніца паміж імі ўсё больш стэраецца. У сучаснай масавай культуры ў значнай меры прысутствуюць элементы культуры, якія да нядаўняга часу адносяцца да элітарнай. *Канцэпцыя двойнога кодзіравання* дазваляе суб'ектам сучаснай культуры злучаць у творчых працах элементы і сэнсавыя пласты элітарнай і масавай культур. Транснацыяналізацыя культуры, па меркаванні расійскага культуролога І. Г. Пупцова, азначае вывядзенне з мноства культур сінтэза – стварэнне вызначанага універсала ў форме масавай культуры [11, с. 56]. Яна выступае ў якасці інтэгратора культурнага мноства, зразка паводзінаў, зразка жыцця, каштоўнасцей, нормаў.

Даследаванне творчасці сучасных кітайскіх суб'ектаў культуры паказвае, што да двойнога кодзіравання прыбягае цэлы рад кітайскіх літаратараў, музыкантаў, мастакоў. Імя масавая культура фарміруе каштоўна-норматывную сістэму, тэ ўстаноўкі, якія сёння ўспрымаюцца мільянамі кітайцаў, так як яна даступна, зразка і наглядна, не патрабуе доўгага ўвасоблення. Дзякуючы сучасным тэхналогіям камунікацыі ажыццяўляюцца фарміраванне і развіццё транснацыянальнай масавай культуры, якая выступае ў якасці універсальнага кода, зразка і прыемлага для суб'ектаў усіх этнічных культур Кітая. Масавая культура, фарміруючы «штампы», адключае свядомыя механізмы ўспрыяння асяродка – неасвядомана кожны суб'ект культуры ўцягваецца ў працэс транснацыяналізацыі і прымае новыя правілы гульні, якія не патрабуюць актывных волевых зусілляў. Культурная транснацыяналізацыя, па меркаванні О. Н. Астаф'евай, трансфармуе характар, ступень і эфектыўнасць заёмстваў элементаў культур, вызначаных інтэнсіўнасцю і ўмовамі міжкультурных кантактаў, ступенню дыферэнцыяцыі грамадства і ўспрымальнасцю яго членаў да «чужой» культуры [2, с. 7]. У культуралогічнай тэорыі дынамікі культуры абазначаны два асноўныя камунікацыйныя каналы культурных заёмстваў. Да першага каналу адносіцца прамы, калі ўзаемадзеянне ажыццяўляецца праз сістэму непасрэдных міжкультурных кантактаў на ўров-

не таких суб'ектов культуры, как государство, социальные группы и индивиды, что предполагает, прежде всего, определенную степень открытости. В Китае прямой канал стал реальностью в настоящее время в результате осуществления политики реформ и открытости, провозглашенной в 1970-е гг. «На основе пяти принципов мирного сосуществования, – подчеркивал Председатель КПК Си Цзиньпин на XIX съезде Компартии Китая, – мы будем с неуклонной решимостью развивать дружбу и сотрудничество со всеми странами, стимулируя формирование нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, равенстве и справедливости, сотрудничестве и всеобщем выигрыше» [16, с. 27]. Вторым каналом, через который осуществляется взаимодействие, является косвенный, когда посредником коммуникативного взаимодействия выступают СМИ, потребляемые товары, туризм, фестивали, гастроли художественных коллективов, выставки, образовательные учреждения и т. д. Формы влияния и принципы взаимодействия в данном случае, согласно идеям Н. Лумана, подчиняются разным логикам, допускающим нелинейное взаимодействие разных коммуникационных систем, при этом каждая из них функционирует аутопоэзисно, т. е. созидая и описывая себя в рекурсивной сети коммуникации [8, с. 34]. Самореферентность и аутопоэзис коммуникационных систем являются механизмами, обеспечивающими необратимость развития культурных систем, а также новые способы их существования и сохранения. Современные средства массовой информации КНР представляют собой высокотехнологическую и наукоемкую систему. Так, если в 1950 г. во всей стране насчитывалось около 205 названий газет, их годовой тираж в общей сложности составлял чуть более 400 млн экземпляров, то в настоящее время в Китае насчитывается более 5000 названий газет, годовой тираж которых составляет 65,6 млрд экземпляров [7, с. 144]. Производство телепрограмм включает в себя деятельность 3240 станций, из которых 209 входят в структуру Центрального телевидения [18, с. 305]. Центральное радиовещание осуществляет трансляции 9 программ собственного производства с общим объемом суточного вещания в 200 ч. Функционирует 259 FM-радиостанций. В КНР действуют крупнейшие государственные информационные агентства «Синьхуа» и «Чжунго», главной задачей которых является подготовка и распространение важной информации, касающейся политики, экономики, культуры Китая и всего мира. Их штаб-квартиры находятся в Пекине, а региональные отделения имеются почти во всех странах мира. Данные агентства предоставляют информацию для зарубежных стран на китайском, английском, французском, русском, испанском и арабском языках, а также передают фотоматериалы и тематические пресс-релизы. Агентство «Чжунго» обслуживает проживающих за границей китай-

ских эмигрантов, а также китайцев, живущих в Особом административном регионе (ОАР) Сянгане, Аомэне и на Тайване. Оно располагает своими отделениями в 23 провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах, в ОАР Сянгане и Аомэне, а также отделениями в США, Японии, Франции и Австралии [7, с. 145]. Таким образом, современные средства массовой информации КНР формируют новый тип общения, основанный на возможностях свободного выхода субъекта культуры в информационное пространство. Свободное распространение информации делает медиапространство местом коммуникации индивидов, ищущих созвучие себе в бескрайнем культурном многообразии, позволяя ощутить специфику многомерности разных культур, что становится основой заимствования и обогащения культур.

Из вышесказанного следует: массовая культура в контексте транснационализации представляет собой единство онтологического и аксиологического в социально-культурном мире всех индивидов информационного общества. То же самое, на наш взгляд, относится и к статусу субкультур, которые выходят на транснациональный уровень и приобретают глобальное значение. Многие социальные и внутренние субкультуры Китая на транснациональном уровне, как показывают наши исследования, посредством межкультурных коммуникаций имеют постоянные тесные контакты с представителями субкультурных образований Запада и Востока, что позволяет им объединяться в межнациональные субкультуры, особенно молодежные. Они, по мнению культуролога С. И. Левиковой, являются племенными, «номадными» культурами, связанными с попытками их субъектов противостоять стереотипам массового сознания [6, с. 108–109]. Согласно взглядам философов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «номады» склонны к «поперечности» по отношению к общепринятому. Они отрицают идею исторического прогресса, заменяя его «полифоническим витализмом», приводящим к «социальной живучести», или способности их сопротивляться воздействию властных структур. Они олицетворяют силы, борющиеся с централизованной властью. Любые свободные действия номад, не связанные с «государственным миром», превращаются в «машину войны» [15, р. 296]. Они, создавая свою собственную культуру, «внешнюю» по отношению к государству и его миру, не подчиняются единовластию государства, не признают единого центра и не вписываются в монолитную государственную структуру. Такие субкультуры не только децентрализованы как социокультурный феномен, но и сами нацелены на децентрацию государства. В обозначенных субкультурах нет четкой иерархии и фиксированного центра, что приводит к «плавающему центру» и отсутствию руководящего центра. Носители субкультур занимаются сознательным самоконструированием ценностей, норм, языка, атрибутики и т. д. Современные

субкультуры под воздействием транснационализационных процессов обладают огромным потенциалом для формирования нового в сфере культуры. Несмотря на то, что ценностные установки ряда субкультур порой различны и даже иногда противоположны, всех их объединяет общий противник – оппозиция «Мы» и «Они». Конфронтация между «Мы» и «Они» в определенных условиях может развернуться в определенную форму борьбы в плоскости культуры как ценностно-нормативной и регулирующей системы. Имея это в виду, «Среднесрочный и долгосрочный план развития молодежи КНР (2016–2025)» предусматривает усиление политического руководства молодежными общественными организациями, усовершенствование механизма связи между партийными комитетами и правительствами и молодежными общественными организациями и приведение управления и руководства молодежными общественными организациями к верховенству закона. Правительство КНР обращает внимание государственных институций на необходимость поддержки молодежных общественных организаций с нормативным поведением, упорядоченным функционированием, сильным авторитетом и адаптацией к требованиям экономического и социального развития, науки и техники, общественного благосостояния и благотворительности, а также предлагает улучшить контроль и управление молодежными общественными организациями, создать и усовершенствовать механизм управления ими [12].

Таким образом, в начале XXI в. транснационализация становится культурно-цивилизационным феноменом, закономерным процессом, связанным с возрастанием уровня взаимодействий внутри человеческого сообщества. Ее развертывание обусловлено кардинальным усовершенствованием инфраструктуры, проявляется в следующих системах взаимодействий – информационной, политической, экономической, транспортно-логистической, технологической, социально-культурной. В дополнение к потокам товаров, денег, сырья, капиталов, технологий добавляется и поток артефактов и субъектов культуры, охватывающий науку, образование, искусство и т. д.

При этом следует иметь в виду, что транснационализация культуры не рассматривается нами как пространственно-временной процесс, последствием которого будет достигнуто формирование единой мировой культуры и осуществится полное исчезновение всех национальных культур. По мнению Т. Г. Богатыревой, «парадоксом современной транснационализации явился тот факт, что местные культурные различия стали гораздо более выраженными, чем прежде. Препятствуя процессам транснационализации, страны стремятся сохранить внутреннее разнообразие и самобытность своих культурных традиций, культурный плюрализм стал ярко выраженной чертой мирового сообщества» [4, с. 50].

В контексте парадигмы единой мировой культуры каждая страна, сохраняя свою специфику, национальную самобытность, является частью единого культурного пространства. Обращая на это внимание, министр культуры Китая Сунь Цзячэн отмечал, что «одной из самых актуальных задач, стоящих перед культурным строительством в новом столетии является бережное сохранение традиций и наследия китайской культуры, получивших мировую известность» [17, с. 230]. В то же время государственные и общественные институции Китая стремятся к ее обогащению достижениями европейской культуры. «Источником живой силы культуры, – по мнению Сунь Цзячэня, – является обновление и новаторство, бесконечный процесс накоплений с нововведением» [Там же, с. 231]. Без инноваций культура лишает себя основы и не способна к развитию. В культурном строительстве Китая в начале XXI в. большое внимание уделяется новаторству. Происходящие под влиянием процессов транснационализации изменения в китайской национальной культуре сказываются и на диверсификации культуры.

1. Адам, Ш. М. Место и роль транснациональных корпораций в современной мировой экономике [Электронный ресурс] / Ш. М. Адам // Молодой ученый. – 2017. – № 11 (145). – С. 183–186. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/145/40719/>. – Дата доступа: 20.01.2020.

2. Астафьева, О. Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий / О. Н. Астафьева // Человек, культура и общество в контексте глобализации: материалы Междунар. конф., 25–27 нояб. 2005, Москва / Федер. агентство по культуре и кинематографии, Рос. ин-т культурологии; редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) [и др.]. – М., 2007. – С. 5–11.

3. Ба, Цзиньсинь. Проблемы формирования в КНР транснациональных компаний с китайским капиталом: автореф. дис. ... канд. эконом. наук : 08.00.14 / Цзиньсинь Ба; Ин-т Дал. Востока РАН. – М., 2006. – 26 с.

4. Богатырева, Т. Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России / Т. Г. Богатырева. – М.: ТЕИС, 2002. – 179 с.

5. Дусь, Ю. П. От учета к регулированию миграцией специалистов с высшей квалификацией / Ю. П. Дусь, В. И. Разумов // Человек, культура и общество в контексте глобализации: материалы Междунар. науч. конф., 25–27 нояб. 2007, Москва / Рос. ин-т культурологии; редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) [и др.]. – М., 2007. – С. 136–139.

6. Левикова, С. И. Постмодернизм как методология комплексного исследования человека, культуры и общества (на примере молодежной субкультуры) / С. И. Левикова // Человек, культура и общество в контексте глобализации: материалы Междунар. конф., 25–27 нояб. 2007, Москва / Рос. ин-т культурологии; редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) [и др.]. – М., 2007. – С. 107–110.

7. Ли, Фэй. СМИ Китайской Народной Республики как эффективный механизм массовой информационно-коммуникативной деятельности / Фэй Ли // Корпоративные стратегические коммуникации: новые тренды в профессиональной деятельности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. В. Сидорская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 142–146.

8. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2015. – 254 с.

9. Марков, В. Вклад общественных наук в развитие народного хозяйства / В. Марков // Научная сессия (2002). – М., 2003. – С. 24–37.

10. План национальной среднесрочной и долгосрочной реформы развития образования (2010–2020 годы) = 中华人民共和国教育部网站《国家教育改革和发展中长期计划(2010–2020年)》, 2010年 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html. – Дата доступа: 20.02.2020.

11. Попцов, И. Г. Особенности взаимодействия массовой культуры и контркультуры в условиях глобализации / И. Г. Попцов // Человек, культура и общество в контексте глобализации: материалы Междунар. конф., 25–27 нояб. 2007, Москва / Рос. ин-т культурологии; редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) [и др.]. – М., 2007. – С. 56–58.

12. Среднесрочный и долгосрочный план развития молодежи КНР (2016–2025) / Центральный правительственный портал Китайской Народной Республики. – Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2017-04/13/content_5185555.htm#1. – Дата доступа: 20.02.2020.

13. Хухлындина, Л. М. Перспективы белорусско-китайского сотрудничества в сфере науки, образования и культуры / Л. М. Хухлындина, В. М. Малофеев // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, Посольство Кит. Нар. Респ. в Респ. Беларусь, Респ. центр китаеведения «Иероглиф». – Минск, 2017. – Вып. 6, ч. 1. – С. 130–134.

14. Cliche, Danielle. Creative Europe: On Governance & Management of Artistic Creativity in Europe / D. Cliche [and al.]. – Bonn: ARcult Media, 2002. – 355 p.

15. Deleuze, G. Nomadology: The War Machine / G. Deleuze, F. Guattari. – N. Y.: Semiotext(e), 1992. – 475 p.

16. 习近平《决胜全面建成小康社会夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利》，北京，人民出版社，2017年版，106页 = Си, Цзиньпин. Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху: докл. председателя ЦК КПК на XIX съезде Ком. партии Китая / Цзиньпин Си. – Пекин: Нар. изд-во, 2017. – 106 с.

17. 孙家正《当代中国文化的追求与梦想》，北京，外文出版社，2007年版，295页 = Сунь, Цзячэн. Устремления и мечты в современной китайской культуре / Цзячэн Сунь. – Пекин: Изд-во науч. лит., 2007. – 295 с.

18. 崔保国《中国传媒产业发展报告》，北京，社会科学文献出版，2016年版，452页 = Цуй, Баогуо. Развитие СМИ Китая / Баогуо Цуй. – Пекин: Изд-во науч. лит., 2016. – 452 с.

Zhao Zengfang

Value and semantic content of the transnationalization of Chinese culture

Based on the analysis of the process of internationalization of activities in the economic, social and cultural spheres, the author comes to the conclusion that at the beginning of the XXIst century there is a formation of a large-scale integration of the main types of socio-cultural activities.

The specific traits of transnational culture, the peculiarities of its manifestation in China, its meaning in the development of mass media are considered in the article. The essence of the concept of "transnationalization" is revealed. It is emphasized that in the result of incorporation into the transnational processes of modernity Chinese culture is constantly updated, enriched with the achievements of European culture, while preserving the national identity.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 27.11.2020.